

Л.С. Окунева¹
L.S. Okuneva

Бразильские правые: краткий очерк исторической траектории в XX – первой четверти XXI вв.

Brazilian Right: brief outline of historical trajectory in the XX – first quarter of the XXI centuries

Аннотации: Правые партии и движения, как и правая идеология, являются важным фактором политической жизни латиноамериканских стран. К концу второго десятилетия XXI в. более половины политических режимов латиноамериканских стран носили правый либо правоцентристский характер. В статье на примере анализа бразильского варианта феномена правого тренда сделана попытка показать причины самого существования и политической выживаемости правых и их популярности в обществе, глубокой укорененности

¹ **Людмила Семеновна Окунева** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН). E-mail: liudmila31@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1294-7819>.
Liudmila S.Okuneva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Politics of Europe and America, MGIMO–University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Chief Researcher, Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAN). E-mail: liudmila31@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1294-7819>.

правой идеологии в недрах общественного сознания, ее влияния на общественные настроения. Дан краткий анализ идеологии и политики правых течений и правых политических лидеров – от Жетулиу Варгаса до Жаира Болсонару.

Ключевые слова: Бразилия, правый консерватизм, правый радикализм, правая идеология, Жетулиу Варгас, Фернанду Коллор, Мишел Темер, Жаир Болсонару.

Abstract: Right-wing parties and movements, as well as right-wing ideology, are an important factor in the political life of Latin American countries. By the end of the second decade of the XXI century. more than half of the political regimes of Latin American countries were right-wing or center-right. In the article, on the example of the analysis of the Brazilian version of the phenomenon of the right trend, an attempt is made to show the reasons for the very existence and political survival of the right and their popularity in society, the deep rootedness of the right ideology in the depths of public consciousness, its influence on public sentiment. A brief analysis of the ideology and politics of right-wing movements and right-wing political leaders is given – from Getúlio Vargas to Jair Bolsonaro.

Keywords: Brazil, right-wing conservatism, right-wing radicalism, right-wing ideology, Getúlio Vargas, Fernando Collor, Michel Temer, Jair Bolsonaro.

DOI: 10.32608/2305-8773-2023-37-1-185-211

Правые партии и движения, как и правая идеология, являются важным фактором политической жизни латиноамериканских стран. Начиная с 1998 г. – прихода к власти У.Чавеса в Венесуэле, открывшего на континенте эру «левого поворота», о правых «забыли», они остались на обочине политического процесса, фокус общественного и исследовательского внимания был направлен на левых и их политику социального реформирования. Однако в середине второго десятилетия XXI в. левый тренд стал угасать, и ему на смену пришли правые партии и лидеры. Заговорили о «правом повороте», но, хотя он и не продержался долго – уже с рубежа второго и третьего десятилетия, а особенно в начале 2020-х годов левые вновь побеждают на

выборах, знаменуя тем самым второе пришествие «левого поворота», или «левый поворот 2.0», – сам факт политической активности правых, казавшихся «спящими», оттесненными на маргинальные позиции электорального ландшафта, заставил переключить общественное и академическое внимание именно на этот фланг политического спектра. Успех правых на выборах – как отмечает российский исследователь З.В.Ивановский, «к концу второго десятилетия, 12 из 20 стран (Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Боливия, Эквадор и Чили) были представлены правыми и правоцентристскими силами, выступавшими за сохранение в общих чертах неолиберальной модели и открытой рыночной экономики при тесном сотрудничестве с США и международными финансовыми организациями»², – заставил осознать наличие серьезных причин как самого существования правых, так и их популярности в обществе, влияния на общественное сознание и настроения. Более того, возвращение левых, хотя и произошло абсолютно легитимным, демократическим путем, через подтвержденную соответствующими электоральными государственными институтами и международными наблюдателями победу на выборах, подняло вопрос о значительном политическом весе именно правых: практически во всех случаях возвращения левых разница, отделявшая «левого» победителя от его «правого» соперника, составляла статистическую погрешность.

С наибольшей силой это проявилось на президентских выборах 2021 г. в Перу (победивший левый кандидат Педро Кастильо обогнал свою соперницу с правого фланга Кейко Фухимори всего на 0,5%), в первом туре президентских выборов 2021 г. в Чили (разрыв между левым Г.Боричем и правым Х.А.Кастом составляла 2,1%) и на выборах 2022 г. в Бразилии (разница между триумфатором Л.И.Лулой да Силвой и проигравшим Ж.Болсонару составляла 1,8%). Данная ситуация обна-

² Ивановский, 2022. С. 139. См. также: Ивановский, 2016 а; 2016 б; 2018 а; 2018 б; 2019 а; 2019 б; 2020; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.; Víctor L. Jeifets, Lázaro S. Jeifets.

жила серьезную проблему: в условиях крайней поляризации общества (а в упомянутых случаях общество оказалось расколотым практически на две почти равные половины) проигравшая половина никуда не исчезает, она остается в политическом пространстве, и ее присутствие, часто весьма активное (вспомним попытку захвата болсонаристами правительственных зданий в столице Бразилии 8 января 2023 г., ровно через неделю после инаугурации Лулы, как протест против его победы) затрудняет реформаторскую деятельность победившего кандидата и создает новый, подчас непредсказуемый расклад политических сил.

Все это заставляет задуматься о причинах политической выживаемости правых и глубокой укорененности правой идеологии в недрах общественного сознания. В каждой стране правые обладают собственным своеобразием, но наилучшим примером, иллюстрирующим феномены правого тренда и правоориентированных социальных течений, является их бразильский вариант.

Правые движения и течения, правоконсервативная идеология в Бразилии не являются продуктом сегодняшнего дня, а имеют свою историю, уходящую вглубь веков. Мощные олигархические элиты, сформировавшиеся еще в колониальную эпоху, породили феномен «коронелизма» (от порт. *coronel* – «полковник» как «предводитель», «политический лидер»). Система «коронелизма» как власти местных каудильо, сформировавшаяся на Северо-Востоке страны, означала политический контроль соперничавших между собой семейных кланов сельской аристократии над определенными регионами и муниципиями. Политический контроль использовался этими группировками для закрепления своих преимущественных прав на обладание собственностью (прежде всего на землю и скот) и на укрепление клиентелистских связей³. Тренд «олигархического коронелизма» как бы задал на будущее траекторию развития консерватизма, правоориентированных политических партий, течений и движений.

³ Окунева, 2008. С. 266.

На рубеже XIX-XX вв., после падения монархии (и окончания периода Империи), Бразилия стала республикой, но весьма необычной: речь шла о правлении консервативных олигархических кланов, попеременно сменявших друг друга у власти. Так, в штате Сан-Паулу олигархическая политическая элита в большей степени отражала интересы правящих групп, связанных с «кофейной экономикой», а олигархии штатов Минас-Жерайс и Риу-Гранди-ду-Сул отражали интересы кофейных плантаторов и скотоводов, соответственно. Олигархии всех трех штатов контролировали созданные в этих штатах первые политические (республиканские) партии. Олигархии монополизировали политическую власть⁴. Консерватизм политической системы сделал возможным сохранение «коронелистской практики» с ее сильным каудильистским компонентом⁵.

Те самые, мощные аграрные олигархии еще с периода Колонии занимали прочные позиции на своих территориях (сначала – капитаниях, затем – провинциях, впоследствии – штатах). С течением времени они должны были превратиться в архаичные и традиционалистские пережитки прошлого, но этого не случилось: парадоксальным образом именно Республика создала условия для их возрождения на новой основе – в виде концентрации наибольшей власти в руках местных политических предводителей⁶. Политическая практика той эпохи, принципы так называемой «элитарной демократии» сводились к тому, что олигархия штата Сан-Паулу «договаривалась» с олигархией штата Минас-Жерайс и наоборот; имелась и еще одна часть «триады» – олигархия штата Риу-Гранди-ду-Сул, участвовавшая в тайных договоренностях о кандидатуре будущего президента. Не случайно этот период получил название «олигархическая республика» (1889-1930 гг.).

Таким образом, идеология и психология коронелизма как выражение мощи олигархических кланов и, соответственно, – базы правоконсервативной идеологии утвердились в бразиль-

⁴ Фаусту, 2013. С. 200, 202.

⁵ Окунева, 2008. С. 266.

⁶ Фаусту, 2013. С. 202.

ской политической культуре и дошли до наших дней. Политическое «выживание» этих характерных для традиционного общества структур оказало сильнейшее воздействие на формирование бразильской политической культуры и электорального поведения уже на новом историческом витке – в XX-XXI вв.⁷

В 1920-е гг. борьба тенентистов против олигархии, ознаменовав знаковую фазу в политической истории страны и выдвинув яркие персонажи, которые впоследствии впишут свои имена в переломные для бразильской истории XX в. события, не увенчалась успехом. Сломить власть олигархии удалось лишь Ж.Варгасу, чье правление стало следующим историческим этапом формирования консервативно-авторитарного политического тренда в Бразилии. Прежде всего речь идет о его первом правлении (1930-1945 гг.), в рамках которого был создан режим «Нового государства» (1937-1945 гг.).

Варгас подхватил авторитарный тренд и сам стал выражением получившего хождение в 1930-х годах «авторитарного течения, которое восприняло концепцию консервативной модернизации, т.е. взяло на вооружение идею, согласно которой в такой разобщенной стране, как Бразилия, именно государству следует стать для нации организующим началом, чтобы в рамках существующего строя продвигать экономическое развитие и достижение всеобщего благосостояния. В рамках подобной траектории, по мнению сторонников этого течения, авторитарное государство смогло бы покончить с социальными конфликтами, межпартийной борьбой, эксцессами свободы самовыражения, которые способствовали лишь ослаблению страны»⁸. Режим Варгаса, установленный им после революции 1930 г., стремился противопоставить себя обветшалой «кофейной олигархии», отстраненной им от власти в 1930 г. (а также по итогам «паулистской войны» 1932 г., когда «кофейная олигархия» попыталась взять реванш и вернуться на прежние позиции. – Л.О.), с целью представить новую политическую систему как новаторскую,

⁷ Окунева, 2008. С. 266.

⁸ Фаусту, 2013. С. 262. См. также: Lassance, 2020. P. 511–538.

отбросившую консерватизм предшественников, готовую включить в себя народные массы, модернизировать государство⁹.

В 1930-х годах Бразилия была единственной страной, где возникла самая крупная за пределами Европы партия фашистского типа, взявшая на вооружение многие внешние атрибуты европейских протагонистов, – партия «Бразильское интегралистское действие» (БИД; Ação Integralista Brasileira, AIB). Вокруг «бразильской разновидности фашизма» на протяжении многих лет разворачивается широкая историографическая дискуссия. Часть историков усматривает как в упомянутой партии, так и – особенно – в личности и характере режима Ж. Варгаса черты фашизма. Этой позиции противостоят другие авторы, отрицающие фашистскую составляющую жетулистского режима на том основании, что в нем не было ни «народной мобилизации», ни интенций организовать «единственную партию», памятуя тот факт, что в декабре 1937 г., менее чем через месяц после провозглашения 10 ноября 1937 г. режима «Нового государства», интегралистская партия была Варгасом запрещена. (После же предпринятой ею в мае 1938 г., несмотря на запрет, неудачной попытки государственного переворота, ее основные активисты были арестованы, а лидер интегралистов Плиниу Салгаду выслан в Португалию). Данная историографическая линия, представленная работами известного бразильского историка Ж.Ф. Бертонья, квалифицирует режим Варгаса и особенно «Новое государство» как авторитарный, консервативный и персоналистский, как авторитарно-консервативную диктатуру с элементами модернизации, ориентированную на экономический рост и заточенную на репрессии против любых форм оппозиции – как правых, так и левых сил¹⁰.

Между Варгасом и профашистской интегралистской партией БИД были значительные различия. «Интегрализм стремился добиться своих целей посредством партии, которая мобилизовала бы недовольных и штурмом захватила бы власть. Авторитарное же течение не делало ставку на партию, зато уповало на

⁹ Бертонья, 2015 а. С. 209–226.

¹⁰ Бертонья, 2015 б. С. 242-255; 2015 а. С. 209-226.

государство; оно не верило в широкую мобилизацию всего общества, но полагалось на прозорливость отдельных политиков. В конечном счете фашистская доктрина привела бы государство к кризису, а авторитарный этатизм — к его укреплению. «Авторитаристы» действовали изнутри самого государства; в наивысшей степени их влияние воплотилось в деятельности руководства вооруженных сил»¹¹.

Армия стала серьезным фактором укрепления правоавторитарного тренда. «Весь период 1930–1945 гг. стал временем укрепления армии, особенно сухопутных войск. Это выражалось в росте их численности, в постоянном совершенствовании воинского снаряжения и в завоевании армией авторитета. Перед лицом армии теряли свои позиции военизированные подразделения штатов»¹².

Широкому применению жетулистским режимом репрессивных мер и наращиванию авторитаризма объективно способствовало подготовленное коммунистами и Национально-освободительным альянсом (НОА) во главе с Луисом Карлосом Престесом восстание 1935 г., направленное на «свержение “ненавистного правительства” Варгаса и завоевание власти народным, национальным и революционным правительством»¹³. Восстание потерпело поражение и имело серьезные последствия в плане ужесточения режима: помимо арестов и репрессий против организаторов, заключения в тюрьму сроком на 9 лет самого Престеса, была одобрена практика массовых тюремных заключений, созданы специальные репрессивные органы, органы по расследованию участия граждан в деятельности «против политических и общественных учреждений» и особый суд – Трибунал национальной безопасности (Tribunal da Segurança Nacional), который «вначале предназначался только для суда над теми, кто был замешан в восстании 1935 г., но в конце концов превратился в постоянный орган, действовавший

¹¹ Фаусту, 2013. С. 262.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 265-266.

в течение всего периода «Нового государства»¹⁴. В конечном счете и сам режим «Нового государства» возник как реакция на выступления как левых, так и правых (интегралистов). «Новое государство» стало «диктатурой, насажденной авторитарным образом», которая зиждилась на поддержке «армии, выступавшей как сплоченный институт в отношении цели модернизации страны авторитарными методами», а «в сфере управления государством верховной инстанцией принятия основополагающих решений была личная власть Варгаса»¹⁵. Но и «Новое государство», при всей его правоориентированности, не было фашистским: оно не обладало классическими чертами европейского фашизма – не опиралось на единственную партию, в его основе не лежала массовая народная мобилизация, а сам режим не вынашивал экспансионистских планов как неотъемлемой части фашизма и нацизма. В большей степени «Новое государство» можно квалифицировать как авторитарно-патерналистский режим.

Однако в 1945 г. жетулистский режим «Нового государства» претерпел значительные изменения. Новая атмосфера в мире, порожденная ожиданиями близкого разгрома гитлеровского фашизма, симпатии к демократическим, левым силам, в целом ветры обновления не могли не привнести новые мотивы во внутривластную жизнь Бразилии. Правительство начинает испытывать давление с разных сторон, начинается движение оппозиции. Варгас пытался оправдать существование диктатуры тем, что шла война, в которой Бразилия участвовала на стороне союзников. Но в то же время он обещал провести выборы, когда наступит мир; при этом Варгас обещал не выставлять на этих выборах свою кандидатуру¹⁶. Сам он как политический лидер сильно эволюционировал на протяжении 15 лет своего правления, и к его завершению фактически стоял у истоков демократизации политической системы страны, став родоначальником партийной системы. В мае 1945 г. Варгас издал декрет,

¹⁴ Там же. С. 266.

¹⁵ Там же. С. 268, 270-271.

¹⁶ Там же. С. 284.

позволявший создание и юридическое оформление политических партий (до этого в Бразилии не было общенациональных партий, а те республиканские партии в штатах, которые возникли в конце XIX в., превратились в оплот региональных олигархий и были сокрушены Варгасом после 1930 г.). Теперь же клапан был открыт, и повсюду, как грибы после дождя, стали возникать политические партии; мелкие быстро распадались и входили в состав более крупных¹⁷. Так возникли три основные партии: Национально-демократический союз (НДС – União Democrática Nacional, UDN). Социал-демократическая партия (СДП – Partido Social Democrático, PSD) и созданная самими Варгасом Бразильская трабальистская партия (БТП – Partido Trabalhista Brasileiro, PTB). Все эти партии, с небольшими различиями, находились на правом спектре, но партия UDN занимала реакционные позиции, став организатором антиправительственных заговоров в 1945, 1954, 1961 и 1964 гг.¹⁸

Создание РТВ стало крупным успехом Варгаса: с ее помощью он намеревался обеспечить преемственность власти после замены «Нового государства» новым парламентским режимом. Но этот план не удался: после отставки Варгаса и проведения выборов в 1945 г. к власти пришел бывший военный министр в кабинете Варгаса Эурико Дутра от партии PSD; его правление в 1946–1951 гг. означало отход от жетулизма «издания 1945 года», переход на правые позиции поощрения иностранного капитала и тесного сотрудничества с США¹⁹.

Вступление Бразилии во Вторую мировую войну против стран «оси», установление в апреле 1945 г. дипотношений с СССР, попытки создать себе при помощи министерства труда и его агентов в профсоюзах (pelegos) более широкую опору в городских народных слоях – все это настроило против Варгаса консервативную оппозицию и высшие военные чины²⁰, вынудившие его в октябре 1945 г. уйти в отставку.

¹⁷ Коваль, 1975. С. 119–129.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Фаусту, 2013. С. 285; см. также: Brandi; Neto.

Таким образом, сам Варгас был отстранен от власти право-консервативными силами.

После триумфального возвращения на политическую арену в результате победы на выборах 1950 г. начинается второе правление Варгаса (1951-1954 гг.). В экономической области он проводил националистическую политику (создание государственной нефтяной компании Петробраз и принятие законопроекта о создании государственной энергетической компании Элетробраз), принимал меры по ограничению вывоза прибылей иностранного капитала. Усиление роли государства в экономике, создание базовых отраслей тяжелой промышленности (начавшееся еще в период «Нового государства») должно было, по его мысли, привести к сплочению всей нации в достижении целей экономического развития и прогресса Бразилии; главным пунктом социальной политики провозглашалось достижение «социальной гармонии» и «классового мира», интеграция рабочих и трудящихся в целом в дела государства и производства.

Подобный дрейф Варгаса к левонационалистическим позициям не мог не затронуть интересы консерваторов, которые нанесли новый удар. Большая группа генералов сухопутных сил выпустила «Манифест к нации», в котором содержалось требование отставки президента. В числе подписавших этот документ были не только известные всем противники Варгаса, но и генералы, весьма далекие от системной оппозиции²¹.

Получилось, что те же право-консервативные силы, которые убрали Варгаса с политической арены в 1945 г., в 1954 г. создали обстановку, которая вынудила его не просто покинуть президентский пост, но уйти из жизни.

На новом историческом витке, в новых условиях консерваторы заставили подать в отставку президента Ж. Куадруса (31 января–25 августа 1961 г.) через 7 месяцев после его вступления в должность президента. К власти чуть было не пришла военная хунта, но по договоренности с вице-президентом Ж. Гулартом, которого военные обязали урезать права президента введением поста премьер-министра (парламентский режим

²¹ Фаусту, 2013. С. 308.

продержался менее полутора лет и в январе 1963 г. был отменен), ему все-таки (отказавшись от реально имевшей место идеи покушения на него) дали возможность занять – в соответствии с конституцией – пост главы государства. Левонационалистический курс Гуларта натолкнулся на мощное сопротивление как слева, так и особенно справа, и в итоге к власти пришли военные, совершив в 1964 г. государственный переворот. Военно-технократический режим 1964 г., находившийся у власти 21 год, стал высшей точкой правоавторитарной альтернативы²².

Новый этап в развитии идеологии и политики правых в Бразилии наступил после ухода военных от власти и начала периода демократии. В период правления Ж. Сарнея (1985-1990 гг.) – первого президента этого периода – страна постепенно отходила от авторитарных форм правления, однако тогда время коренных преобразований еще не наступило. Эта эпоха пришла с победившим на первых после 1960 г. прямых президентских выборах 1989 г. Ф. Коллором, провозгласившим программу радикальных реформ, прежде всего экономических и финансовых. Определяющую роль в формировании идеологии реформ сыграл неолиберализм и его главная составляющая – монетаристская теория, которые к концу 1980-х гг. приобрели главенствующие позиции в западной экономической мысли. Коллоровский вариант «шоковой терапии» и явился материализацией неолиберализма в бразильских условиях.

«План Коллора» имел своей целью провести модернизацию экономики на путях укрепления частной инициативы и рыночных механизмов, разгосударствления и проведения широкой приватизации. По существу, это была программа «правой модернизации» на базе «шоковой терапии». Первой мерой стало замораживание ликвидности (зарплат, цен, банковских депозитов) с целью сократить колоссальную инфляцию, которая приобрела такие масштабы, что стала серьезным тормозом на путях дальнейшего развития экономики. «Убить тигра инфляции» – таков был главный лозунг модернизационной программы

²² Анализ политики военного режима – обширная и многоплановая проблема, тема для отдельного исследования.

Коллора. После первоначального шока этот план предусматривал глубокие структурные реформы, быструю либерализацию экономики.

Сразу же после начала реализации план дал внешне позитивные результаты: инфляция упала до рекордно низкого уровня. Однако не замедлили последовать его главные – сугубо отрицательные – эффекты. Небывалое сокращение денежной массы привело к резкому снижению потребления и резкому спаду деловой активности. «Тигр инфляции» не был «убит», а снова продолжил свой бег: инфляция восстановилась до прежних размеров. Вместо скачка вперед экономика откатилась на уровень начала XX в. и испытала самый большой спад с периода после Второй мировой войны. Провозглашенная борьба с привилегиями высшего чиновничества и административная реформа, призванная сократить расходы на содержание разбухшего бюрократического аппарата, также не дали результата: реформа забуксовала, а борьба с привилегиями замкнулась в основном на распродаже правительственных особняков и автомобилей в столице страны.

Одной из главных составляющих «плана Коллора» была приватизация, за счет которой правительство рассчитывало снять бремя дотаций с госбюджета, оздоровить финансы и обеспечить конкурентоспособность местной продукции, повышение мирового спроса на бразильские товары. Программа приватизации ставила также задачу снижения внутреннего государственного долга и внешней задолженности. Одной из главных целей было изменение роли государства – его уход из экономики и обретение роли «ночного сторожа», в полном соответствии с классическими постулатами неолиберализма.

Однако с самого начала программа приватизации сопровождалась немалыми трудностями и издержками. Полученные от приватизации средства предписывалось направлять для погашения задолженности, а не вкладывать в производство – предприниматели, да и общество в целом не видели отдачи и выгод от данных мероприятий и не имели заинтересованности в их реализации. Одним из тормозов программы приватизации явилась и мощная оппозиция внутри правительственных структур,

особенно корпоративизм чиновников ключевых экономических министерств, их тесные связи с руководителями компаний, потенциально подлежащих приватизации. Сопротивление приватизации (впрочем, весьма ожидаемое) оказывали и те слои трудящихся, которые были заняты на предприятиях госсектора: зафиксированное в конституции трудовое законодательство прямо запрещало увольнения государственных служащих. Что же касается продажи госпредприятий, то потенциальные покупатели, в том числе и иностранные, проявляли в тот период большую осторожность к инвестированию капиталов в Бразилии, где имели место экономическая нестабильность, высокая и непобежденная инфляция, отсутствие четкого рыночного законодательства, в том числе и по вопросу об условиях инвестирования и покупки предприятий. «Шоковые» методы воздействия на экономику, как считали бразильские аналитики того периода, усилили в бразильском обществе тенденции «дикого капитализма»²³.

Негативными были и политические последствия стабилизационного «плана Коллора». Прежде всего речь шла о слабости его политической поддержки. Реформы, выразившиеся в замораживании вкладов и активов, больно ударили по обеспеченным слоям общества, предприниматели, удовлетворенные победой Коллора над лидером Партии трудящихся (ПТ) Лулой на президентских выборах 1989 г., очень скоро обнаружили, что команда их избранника была неопытной в экономических вопросах, не проявила желания сотрудничать с ними, а обещание выигрыша для бедных, голосовавших за Коллора, также не было реализовано: по жизненному уровню многомиллионных масс бедняков был нанесен сильнейший удар.

Со своей стороны и сам Коллор, выступая с позиций «авторитарного неолиберализма», стремился «освободиться» от любых политических альянсов, которые он рассматривал как «лишающие его свободы действий»: в его стиле все больше выявлялись авторитарные черты управления. Коллор стал «олигар-

²³ Подробнее см.: Окунева, 2008. С.173-201; см. также: Villa, 2016; Reale, 1992; Silva/ 1993.

хом неопопулистского толка», первым в конце XX в. представителем бразильского правого популизма²⁴.

Провал реформ Коллора породил в бразильской общественной мысли левого направления концепции о гораздо большей сопрягаемости с бразильскими реалиями социал-демократических рецептов, которые были воплощены в жизнь в годы правления Фернанду Энрики Кардозу (1995-2002). Реализация данной стратегии вызвала к жизни потребность в продолжении развития по этому пути, но с гораздо более глубоким социальным реформированием. Так появился тренд «лулизма», связанный с правлением Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003-2010), продолженный его преемницей Дилмой Руссефф (2011-2016) и ознаменовавший латиноамериканский «левый поворот» начала XXI в.

В период правления Лулы правые тенденции были приглушены (в основном в силу успешности тогдашнего курса), но не исчезли. Они получили «второе дыхание» с кризисной экономической ситуацией, сложившейся в начале второго мандата Руссефф (2015 г.). Многофакторный экономический и политический кризис привел к ее импичменту (2016 г.)²⁵. Пост президента занял правоконсервативный политик, бывший вице-президент М.Темер. Обвинив во всех экономических неурядицах кабинет Руссефф, а ее саму в том, что она – «наихудший президент в истории страны», новые правители немедленно отбросили прежнюю парадигму развития, основанную на государственном дирижизме и широкой программе социальных реформ, и ввели в действие ее антипод – масштабную приватизацию, урезание до минимума социальных программ, жесткие полицейские меры подавления народных выступлений. Им ка-

²⁴ Подробнее о данной ипостаси Коллора см.: Окунева, 2008. С. 296-343. Хотя популистскую «линию» в бразильской историографии ведут от Варгаса, жетулистский популизм трудно квалифицировать однозначно: «отец бедных и отец богатых», как он сам себя называл, был родоначальником (наряду с президентом Аргентины Х.Д. Пероном) латиноамериканского популизма как явления, без четкой привязки его к «правому» или «левому» ответвлению.

²⁵ Окунева, 2016 а, 2016 б.

залось, что на этом пути Бразилия достигнет экономических успехов и процветания. Однако последовавшие процессы, прежде всего в экономике, показали, что небольшие краткосрочные показатели, которые могли бы внушать оптимизм, носили конъюнктурный характер, связанный с некоторым подъемом мировой экономики, и системный кризис преодолеть не удалось. Приватизация не оправдывала надежд, ощущалась острая нехватка инвестиций, в социальной области произошел полный коллапс. На социальном реформировании времен экс-президента Лулы был поставлен крест (что и зафиксировали две главные реформы Темера – конституционная поправка о 20-летнем моратории на повышение госрасходов и реформа трудового законодательства); бедные стали возвращаться в бедность, безработица (12-13 млн чел.) оставалась на прежнем уровне; общество захлестнули настроения неопределенности и безысходности²⁶.

Провал политики Темера по «спасению Бразилии», углублявшийся кризис, небывалый рост насилия и преступности в городах, отсутствие и в правом, и в левом спектре авторитетных и «проходных» в электоральном смысле политиков – все это привело к тому, что на крайне правом фланге возникла фигура Жаира Болсонару – типичного представителя современного правого популизма (и объективно продолжателя – в новых условиях и в гораздо больших масштабах – «наследия Коллора»). Отставной военный, с 1990 г. – депутат нижней палаты парламента, он «прославился» тем, что в дни импичмента свое голосование против Руссефф «посвятил» полковнику Карлусу Алберту Устре – одиозному «пыточных дел мастеру» в застенках военного режима 1964-1985 гг., а затем неоднократно подтверждал свою приверженность военному правлению как наиболее эффективному, на его взгляд, способу решения животрепещущих проблем.

В Бразилии впервые после 1985 г. (перехода к демократии после правления военных) к власти в ходе демократических выборов 2018 г. пришел крайне правый политик с антидемокра-

²⁶ Окунева, 2018. С. 23.

тическими взглядами, симпатиями к военной диктатуре и тяготением к авторитаризму, расистскими, женоненавистническими, гомофобскими выпадами, неприкрыто агрессивной риторикой в отношении ПТ – своего главного политического противника. Печальной констатацией стали как само появление такого политика, так и массовая и убежденная поддержка электоратом его лозунгов.

К 2018 г., за 33 года существования демократического проекта Бразилия стала ареной колоссальных общественных сдвигов. С пугающей скоростью произошли мощные и не всегда позитивные сдвиги в массовом сознании и массовых настроениях. После импичмента 2016 г. и до выборов 2018 г. прошло чуть больше двух лет, которых хватило, чтобы не только начисто демонтировать наследие левых в плане социального реформирования, но и от симпатий к левым, но все же центристским консерваторам, перейти к поддержке крайне правого радикализма. Общество выбрало лидера, который предложил быстро и жестко покончить с его главными пороками. Большую роль сыграло и массовое разочарование в ПТ, оказавшейся замешанной в коррупционных скандалах. Это разрушило имидж партии даже в тех слоях, которые ее поддерживали и которые стали бенефициарами ее политики – беднота и сформированный ею так называемый «новый средний класс»²⁷.

Со всей очевидностью вписавшись в логику «правого поворота» в Латинской Америке в целом, победные для Болсонару президентские выборы 2018 г. свидетельствовали, что собственно бразильский правый поворот, свершившийся в стране в 2016 г. после импичмента Руссефф и прихода к власти *правых консерваторов* во главе с Темером, получил полное завершение с победой *праворадикального* политика Болсонару. Иными словами, став зримым воплощением правого поворота в Латинской Америке, победа Болсонару стала и чисто внутренним трендом. Опыт бразильских выборов 2018 г. показал, что популярная еще недавно идея о сглаживании противоречий между «левыми» и «правыми», движении обоих флангов политической жизни к

²⁷ Там же. С. 33-34.

«центру», верная для периода стабильности, не сработала в момент политической турбулентности, когда на политической арене столкнулись не просто классические «левые и правые», но левые, с одной стороны, и *праворадикалы* – с другой: радикализация и поляризация политической жизни стали главной чертой политического процесса в Бразилии. Правые консерваторы и правоцентристы в лице Темера не справились с провозглашенным ими «спасением Бразилии», не сумели вытащить страну из тисков кризиса и «войны всех против всех». Политический вакуум время от времени, на протяжении 2017 г., выдвигал на арену политики разномастных лидеров вплоть до телеведущих, «людей ниоткуда», но все они быстро и бесславно сходили со сцены. И тогда на первый план вышел Болсонару как глашатай когорты крайне правых политиков, который под флагом борьбы против таких реальных язв бразильского общества, как криминал и коррупция, на деле поднял самую мутную политическую пену, пробудившую реакционные, зачастую мракобесные взгляды и поведение²⁸.

При этом в политическом облике Болсонару правый радикализм причудливо и парадоксальным образом сочетался с ультраконсерватизмом (казалось бы, взаимоисключающими категориями). В обличье Болсонару эти две черты уживались в рамках одной политической практики. Возник политический гибрид: «правый дрейф» в наиболее радикальном варианте стал ответом на стоявшие перед обществом вызовы – неолиберальная экономическая программа (приоритет частного бизнеса, приватизация, резкое сокращение социальных расходов, приток иностранного капитала) в сочетании с ценностной повесткой, полностью вписывавшейся в идеологию ультраконсерватизма в его фундаменталистском прочтении. Таким образом, в условиях радикализации общества бразильский вариант правого поворота продемонстрировал апелляцию к крайности: сползание от правого консерватизма и центризма к правому радикализму²⁹.

²⁸ Окунева, 2020. С. 350-351, 364.

²⁹ Окунева, 2022 а. С. 115-116.

В ходе всеобщих выборов 2018 г. резко «поправели» парламент и губернаторский корпус. Налицо была поляризация парламента, значительный рост правоконсервативных фракций, прежде всего союза поддерживающих Болсонару фракций силовиков, евангелистов и агробизнеса (так называемая фракция ВВВ – Voi, Biblia, Bala).

Встав у руля власти, Болсонару, вопреки ожиданиям, не отбросил радикализм и непримиримость предвыборной гонки, и поляризация и раскол общества стали неотъемлемыми чертами его правления. Не прекращавшиеся на всем протяжении мандата конфликты с ветвями власти (а в процессе выборов еще и с высшей электоральной властью — Верховным избирательным трибуналом, не подобающее национальному лидеру поведение во время пандемии COVID-19, унесшей жизни 685 тыс. бразильцев во многом «благодаря» занятой президентом негативистской позиции, ставшей основанием для подготовки объемного доклада Специальной сенатской комиссии, беспрецедентный для Бразилии конфликт главы государства с губернаторами, дразги с министрами, противоборство с прессой — в целом конфликтогенность президентского мандата Болсонару отвратила от него значительную часть электората. К этому добавились и постоянные реверансы в сторону военного режима, демонстрация симпатий по отношению к нему, что было неприемлемо для демократической общественности, всякий раз остро реагировавшей на подобные выпады, и даже для офицерского корпуса, приверженного конституции и отвергавшего любые, пусть даже потенциальные возможности дестабилизации демократического режима. Серьезнейшими негативными маркерами мандата Болсонару стали деградация социальной сферы, рост числа бедняков, появление 33 млн голодающих, бездомные на улицах мегаполисов, рекордное сокращение расходов на науку и образование, рост социальных диспропорций³⁰.

Совокупность отмеченных выше компонентов внутренней политики, к чему добавилось следование линии кумира Болсонару Трампа в глобальной повестке (уход или преуменьшение

³⁰ Окунева, 2022 б. С. 8.

активности в международных организациях), преопределили и провал бразильского президента на международной арене. Бывшие министры иностранных дел и другие видные бразильские дипломаты подвергли резкой критике внешнеполитический курс Болсонару и за его разрыв с главными традициями международной политики страны, и за несоответствие этого курса конституции, говорили о неприемлемости проамериканского курса администрации и сервильности по отношению к президенту США Трампу³¹.

На выборах 2022 г. сошлись два непримиримых оппонента – экс-президент, левоцентрист Лула и действовавший на тот момент президент, правый радикал Болсонару, каждый из которых олицетворял противоположные социальные альтернативы, Результаты мандата Болсонару привели к резкому падению его рейтинга, существенному снижению вероятности обретения им второго президентского мандата и повороту общественных настроений в сторону отвергнутых ими ранее приоритетов левоцентристского тренда. В результате острейшей борьбы и противостояния победил Лула, но результаты выборов весьма многозначны. Разрыв между соперниками, как упоминалось выше, составил статистическую погрешность в 1,8%, что означало крайнюю степень поляризации общества. А собственный результат Лулы – 50,9% – означал, что он с трудом преодолел необходимую для победы 50-процентную планку. В совокупности эти итоги означали, что победитель получает расколотое пополам общество. Полученные же Болсонару 49% голосов стали показателем мощи порожденного им политического движения. Все недооценили политический капитал болсонаризма, его силу и степень поддержки общества. Более того: в 2022 г. бразильцы стали свидетелями громадной «болсонаристской волны», несравнимой даже с 2018 г. и показавшей глубокую укорененность идей и практики правого популизма в недрах общественного сознания, мощную общественную поддержку, популярность идей Болсонару, который продемонстрировал свою силу даже на фоне огромного градуса отвержения в 48-49%. Да,

³¹ Там же. С. 8-9.

Болсонару, подобно своему кумиру, тогдашнему президенту США Д.Трампу, «копией» которого он был в Бразилии, стал «президентом одного срока». Но, подобно трампизму, который «гораздо шире политической фигуры Трампа и не привязан напрямую к его текущим политическим действиям», «болсонаризм» больше, чем Болсонару (точно так же, как «лулизм» больше, чем фигура Лулы). Это не проходной эпизод политической жизни, а сложный и многогранный феномен. При этом болсонаризм как бразильский вариант мирового тренда правого популизма может существовать и в том случае, если Болсонару сойдет с политической арены. Болсонаризм пустил корни в обществе, он «пришел, чтобы остаться» и «оседлать» то самое «молчаливое большинство», которое до сих пор пребывало на обочине политической жизни; он — не историческая случайность, как думали в 2018 г. Результаты выборов 2022 г. свидетельствовали об углублении поправения общества и политического класса и о расширении консервативных предпочтений (пример — резкое поправение парламента и губернаторского корпуса, избранных на тех же выборах). Потенциал и политический капитал болсонаризма отнюдь не исчерпаны³². Об этом свидетельствовали и вышеупомянутые драматические события 8 января 2023 г., происшедшие уже после инаугурации Лулы, когда болсонаристы, не согласившиеся с итогами выборов и выступавшие за отставку Лулы, совершили неудавшийся штурм зданий «трех властей» в столице страны.

Из вышесказанного вытекает следующий вопрос — о современных бразильских правых. В ходе избирательной кампании надежды на умеренно-центристского кандидата, представителя так называемого «третьего пути», потерпели крах: в расколотом и поляризованном обществе шансы имел только радикальный вариант: кандидат правого либо левого политического фланга. Противостояние правого радикала Болсонару и левоцентриста Лулы полностью подтвердило эту констатацию. И вместе с тем электоральные реалии показали, что правый лагерь неодноро-

³² Окунева, 2022 б. С. 21; Окунева, 2022 а. С. 113; Окунева, 2020. С. 337-382.

ден и раскол: «праворадикальные популисты» сосуществуют с умеренными правыми. Умеренные правые вместе с левыми поддержали Лулу (пусть даже исходя не из пристрастия к нему, а из неприятия Болсонару), а радикальные правые — Болсонару. Именно на правоцентристов сделал ставку Лула в двух знаковых эпизодах 2022 г.: при организации «антиболсонаристского фронта» в ходе выборной кампании и приглашении бывшего губернатора штата Сан-Паулу и лидера Партии бразильской социал-демократии Ж.Алкмина на пост вице-президента, а после своей победы — в деле создания базы в конгрессе и формирования будущего кабинета. «Традиционные правые» осознали, что фундаментализм Болсонару и его эксцессы в борьбе за «ценности» переходят все границы «разумного консерватизма», которому они привержены³³.

Таким образом, реалии современной политической панорамы Бразилии демонстрируют не преодоленный пока раскол общества. Яркий лозунг Лулы в его первой победной речи 30 октября 2022 г., сразу после оглашения результатов выборов «Нет больше двух Бразилий! Мы — единая страна, единый народ, великая нация», пока остается лишь лозунгом, и многое указывает на то, что «две Бразилии» будут сосуществовать и дальше. Идеология правых не исчезла из повестки дня бразильской политики.

Библиография/References

- Бертонья Ж.Ф.* Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. Сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Бергинья. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015 а. № 3(26). С. 209–226 [Berton'ya Zh.F. Vidy (tipy) fashizma v Latinskoy Amerike. Sravnitel'nyy analiz i kontseptual'noye osmysleniye [Types (types) of fascism in Latin America. Comparative analysis and conceptual understanding] // Bereginya. 777. Sovo: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. – 2015. № 3(26). P. 209–226 (In Russ).

³³ Окунева, 2022 б, с.21-22.

Бертонья Ж.Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015 б. № 3 (26). С. 242–255 [Berton'ya Zh.F. Fashizm i pravuyu radikalizm v Brazilii v XX veke [Fascism and right-wing radicalism in Brazil in the 20th century] // Bereginya. 777. Sov: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. – 2015. № 3(26). P. 242–255 (In Russ).

Ивановский З.В. Социальные и политические конфликты в Латинской Америке («круглый стол» в ИЛА РАН). // Латинская Америка, 2016 а, №4, с.5-24 [Z.Iwanowski. Social'nye i politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike («kruglyj stol» v ILA RAN)] [Social and political conflicts in Latin America] Latinskaya Amerika, 2016, № 4, p.5-24 (In Russ).

Ивановский З.В. Судьба «левого дрейфа» в Латинской Америке. // Латинская Америка. 2016 б. № 8. С.74–78 [Z.Iwanowski. Sud'ba «levogo dreyfa» v Latinskoj Amerike] [The fate of the "left drift" in Latin America] Latinskaya Amerika, 2016, №8, p. 74–78 (In Russ).

Ивановский З.В. Латинская Америка на перепутье: изменения в расстановке политических сил. // Свободная мысль. 2018 а. №1. С.177-192 [Z.Iwanowski. Latinskaya Amerika na pereput'e: izmeneniya v rasstanovke politicheskikh sil] [Latin America at a crossroads: changes in the balance of political forces] Free Thought, 2018. №1, p.177-192 (In Russ).

Ивановский З.В. Политические сдвиги в Латинской Америке: региональные и глобальные последствия "правого поворота" (обзор выступлений на "круглом столе"). // Латинская Америка. 2018 б. №5. С.6-27. [Z.Iwanowski. Politicheskie sdvigi v Latinskoj Amerike: regional'nye i global'nye posledstviya "pravogo povorota" (obzor vystuplenij na "kruglom stole")] [Political changes in Latin America: regional and global consequences of the "right shift" (review of reports at the "round table")] Latinskaya Amerika, 2018, N5, p. 6-27 (In Russ).

Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов // Латинская Америка. 2019 а. – №8. – С. 6-22 [Iwanowski Z.W. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii. Sotsial'naya panora-

ma i dinamika politicheskikh protsessov [Latin America in the New Millennium. Social Panorama and Dynamics of Political Processes]. *Latinskaya Amerika*/ Moscow, 2019, №8, pp. 6-22 (In Russ).

Ивановский З.В. Политическая поляризация в Латинской Америке. Итоги политического цикла // Свободная мысль. 2019 б. №1. С.149-168 [Iwanowski Z.W. Politicheskaya polarizatsiya v Latinskoj Amerike. Itogi politicheskogo cikla [Political polarization in Latin America]. *Latinskaya Amerika*/ Moscow, 2019, №1, pp. 149-168 (In Russ).

Ивановский З.В. Латинская Америка в конце десятилетия. Социальные проблемы, политические сдвиги и новые вызовы. // Свободная мысль. 2020, №2 (1680), сс. 71-84 [Iwanowski Z.W. Latinskaya Amerika v kontse desyatiletija. Sotsial'nyye problemy, politicheskiye sdvigi i novyye vyzovy [Latin America at the End of the Decade. Social Problems, Political Shifts and New Challenges] *Svobodnaya mysl'*. 2020, №2 (1680), pp. 71-84 (In Russ).

Ивановский З.В. «Правый дрейф» в Латинской Америке: причины, итоги и перспективы. // Латиноамериканский исторический альманах. М. 2022, № 35, с. 133-161 [Iwanowski Z.W. «Pravyu drejф» v Latinskoj Amerike: prichiny, itogi i perspektivy [“Right Drift” in Latin America: Causes, Outcomes, and Prospects]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*. Moscow, 2022, № 35, p. 133-161 (In Russ.).

Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М.: Наука. – 1975 [Koval' B.I. Braziliya vchera i segodnya [Brazil yesterday and today]. Moscow. Nauka. – 1975 (In Russ.).

Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008, 824 с. [Okuneva L.S. Braziliya: osobennosti demokraticeskogo proyekta. Stranitsy noveyshey politicheskoy istorii latinoamerikanskogo giganta (1960-ye gg. — 2006 g.) [Brazil: features of the democratic project. Pages of the latest political history of the Latin American giant (1960s–2006)]. Moscow. – MGIMO-Universitet. – 2008. – 824 p. (In Russ.).

- Окунева Л.С.* Импичмент президента Бразилии: как это было // Латинская Америка, 2016а, № 8, с. 28-42 [Okuneva L.S. Impichment prezidenta Brazilii: kak eto bylo [Impeachment of the President of Brazil: how it happened]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016. – №8. – pp. 28-42 (In Russ.).
- Окунева Л.С.* Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы. // Латинская Америка, 2016 б, № 10, с. 5-22 [Okuneva L.S. Impichment prezidenta Brazilii: razmyshleniya i vyvody [Impeachment of the President of Brazil: reflections and conclusions] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016. – №10, pp.5-22 (In Russ.).
- Окунева Л.С.* Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск // Латинская Америка, 2018, №12. С.22-36 [Okuneva L.S. Prezidentskie vybory 2018 g. v Brazilii: burya i natsik [Presidential election -2018 in Brazil: storm and onslaught]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, Num. 12, pp. 22-36 (In Russ.).
- Окунева Л.С.* Правый популизм в Бразилии и его отголоски в других латиноамериканских странах. // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности (Под ред. Л.С.Окуневой, А.И.Тэвдой-Бурмули). Москва: МГИМО-Университет, 2020, с. 337-382 [Okuneva L.S. Pravyj populizm v Brazilii i ego otgoloski v drugih latinoamerikanskih stranah // Pravyj populizm: global'nyj trend i regional'nye osobennosti (pod red. L.S.Okunevoj, A.I.Tevdoj-Burmuli) [Right-wing populism in Brazil and its echoes in other Latin American countries]. In: Okuneva L.S., Tevdoi-Burmuli A.I., eds. Right-wing populism: Global trend and regional features]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2020, p. 337-382 (In Russ.).
- Окунева Л.С.* Политическая конфронтация и перемена курса (2019-2022). // Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности (Отв. ред. З.В. Ивановский). М.: ИЛА РАН, 2022 а, с. 69-119 [Okuneva L.S. Politicheskaya konfrontaciya i peremena kursa (2019-2022). *Latinskaya Amerika: politicheskij landshaft na fone turbulentnosti* (Otv. red. Z.W. Iwanowski) [In: Z.W. Iwanowski, ed. Latin America: political

- landscape amid turbulence]. Moscow, ILA RAN, 2022, p. 69-119 (In Russ.).
- Окунева Л.С.* Президентские выборы 2022 г. в Бразилии: от «бури и натиска» Болсонару к трудному триумфу Лулы // Латинская Америка. – 2022 б. – №12. – С. 6-26 [Okuneva L.S. Prezidentskiye vybory 2022 g. v Brazilii: ot «buri i natiska» Bolsonaru k trudnomu triumfu Luly [Presidential election 2022 in Brazil: from Bolsonaro's “storm and onslaught” to Lula's difficult triumph] Latinskaya Amerika. Moscow, 2022, № 12, p. 6-26 (In Russ.).
- Фаусту Б.* Краткая история Бразилии / Борис Фаусту; пер. с порт. Л.С. Окуневой, О.В. Окуневой; предисл. Б.Н. Комиссарова; послеслов. Л.С. Окуневой — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 448 с. [Fausto B. Kratkaya istoriya Brazilii / Boris Faustu; per. s port. L.S. Okunevoy, O.V. Okunevoy; predisl. B.N. Komissarova; posleslov. L.S. Okunevoy [Brief history of Brazil. translation from Portuguese. L.S. Okuneva, O.V. Okuneva; foreword B.N. Komissarov; afterword. L.S. Okuneva] Moscow, Ves' Mir. – 2013. – 448 p.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2015. № 4. с.45-55 [V́ictor L. Jeifets, Lázar S. Jeifets. Latinskaya Amerika: pravyy shtorm dlya «levogo povorota» // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2015, № 4. p.45-55 (In Russ.).
- Jeifets V.L., Jeifets L.S.* Particularidades y perspectivas del resurgimiento del “fénix de la derecha” en América Latina // Iberoamérica, Moscú, 2016, №3 (julio-septiembre), p.34-60.
- Brandi P. Vargas: da vida para a história.* Rio de Janeiro. – Zahar. – 1985.

- Lassance A.* Revolução nas políticas públicas: a institucionalização das mudanças na economia, de 1930 a 1945. Fundação Getúlio Vargas (Rio de Janeiro) // Estudos Históricos 2020 №71, p. 511-538.
- Legado econômico de Bolsonaro: reformas abafadas por Estado sufocado e alta das desigualdades // UOL. 14.12. 2022.
- Lupion B.* A economia sob Bolsonaro: radiografia do desastre // Outras Palavras. 03.10.2022.
- Neto L.* Getúlio. vol. 1, 2, 3. S.l. Companhia das Letras. – 2012.
- Reale M.* De Tancredo a Collor. São Paulo. – Editora Siciliano. – 1992.
- Silva C.H.R.* Mil dias de solidão: Collor bateu e levou. Geração Editorial. – 1993.
- Villa A.M.* Collor presidente: trinta meses de turbulências, reformas, intrigas e corrupção. [S.l.]: 2016.Record. 364 p.